

только содержание, но и формально-стилистические характерные черты такого чтения оставляли глубокий след в сознании этих людей и влияли на их собственное литературное творчество, предлагая им готовые формулы и образцы высокого стиля. Таким образом, в литературном творчестве этих писателей отразилась поэтическая экспрессивность, перенятая из ветхозаветных текстов. Эта же экспрессивность, сопровождаемая абстрагированием действительности и возвышенными чувствами (в стремлении авторов как можно лучше выразить свою основную теологическую мысль), доходила до экзальтации. Оттуда и тот страх средневековых писателей, который они выражают в начале повествований о житиях своих героев. Писатели боятся, что не смогут в полной мере отобразить всю святость и величие подвигов святых. Стилистической формулой для выражения страха от собственной немощи мог послужить и псалом СХL, 3, гласящий: «Τὴ ἀνταπόδοσιν τῷ κυρίῳ περὶ πάντων ἀνταπέδοκέ μοι», что уже находим в Житии св. Симеона Стефана Первовенчанного. У него читаем: «Что въздамъ ти или что принесу ти отъ моего недостойнства за блага твоя, яже сътворилъ еси и твориши о мнѣ грѣшнѣмъ?»²⁶ Количественно и качественно разработанная, эта формула встречается у Данилы в Житии короля Драгутина: «Что бо рекоу, о любимици, азъ съмѣренный Данииль, или что пръвѣ възглаголю? отькоуду ли начьноу сего благочыствааго моужа толикыя троуды и страсти, подвигы же неисповѣдимы и бѣдѣния и обьноштная стояния, непрѣсыхаемыя же источникы слъзь его» (ЖКиАС, 28). Эта авторская скромность и смиренность гораздо сильнее выражена у Доментиана, где она выступает антитезой величию святого: «Помышляю дѣло сие великое и прѣславное, и диваю се, недоумѣю се, оть коуду начьноу пръвѣ глаголати» (ЖСиС, 1), либо у Данилы в Житии короля Милутина: «... оужасаю се и трепештоу, оть коуду начьноу, кыими ли оконьчату; кѣто бо исчѣтеть сего чоудеса? который ли языкъ изглаголетъ тайныя его богу дѣтели недовѣдимыя ествьстоу чловѣчскому?» (ЖКиАС, 127).

Поэтому авторы сербских житий молят у бога даровать им помощь в преодолении их собственной немощи, дабы им словами выразить все добродетели и святость их героев. У Доментиана это выражается без особой экзальтации: «... не обьштии ис прѣва въсьмъ намъ источникъ божьственныя благодѣти прѣсветыя и животворештїе троїце, еїже молеште се и оть нее разума прссеште, по неже оть нее всакъ даръ съвршень съвыше съходить, тѣжде даръ светааго доуха да и намъ отьврзеть оуста разоумная ... и дасть гласъ ... и слово дасть намъ на отьврзение оустомъ нашимъ, а розоумъ добръ ... да възмогу и азъ ... глаголати» (ЖСиС, 1). Данило же в Житии короля Уроша создает настоящую христианскую инвокацию: «Такожде и азъ ... дрѣзае выпїю и глаголю въ оумилении срьдѣца: поспѣши и направи срьдѣце мое начети богооугодно и разоумно житїе сие и оконьчати дѣлы добрыми» (ЖКиАС, 3).

Кстати сказать, и Епифаний Премудрый также обращается к Христу и Троице, моля о ниспослании ему «слова твердого, разумного и пространного», как это читаем во вступлении к Житию Стефана Пермского. У Епифания его инвокация одновременно является и определением стилистических приемов агиографической литературы. Ведь слово разумное и пространное — это и есть то, что характеризует «высокий» стиль, согласно

типия св. Саве», где на стр. 95 сказано: «Типик св. Христодула для монастыря св. Иоанна на острове Патмосе, говоря о жизни своих монахов, подчеркивает, что они будние дни проводили »έν ψαλμωδίοις καὶ ἑργοχείροις τὴν ἐκάστης ἑβδομάδος διαύοντας ἐξάημερον«, в праздничные же дни участвовали в совместном богослужении».

²⁶ J. P. Šafarik. Památky, 1873², стр. 14.